

Почему мы говорим о слушании?

Перевод с английского
Дмитрия Тимофеева
по изданию:

© *Dobson A. Listening for
Democracy: Recognition,
Representation, Reconciliation.*
Oxford: Oxford University
Press, 2014. Ch. 1. Why
Listening? P. 17–25, 41–46.
Публикуется с любезного
разрешения автора.

Эндрю Добсон

Доктор философии, профессор политологии Кильского университета. Адрес: Keele, Staffordshire, ST5 5BG, UK. E-mail: a.n.h.dobson@keele.ac.uk.

Ключевые слова: демократия; слушание; говорение; феминизм; Жак Рансьер; Джон Драйзек.

Несмотря на то что слушание высоко ценится в повседневной жизни, оно

В данной статье я ставлю перед собой две задачи.

Во-первых, я хочу определить место выбранной мной проблематики в контексте современной демократической теории. Для этого я рассмотрю два относительно недавних изменения в направлении дискуссий о демократии: первое — в сторону того, что я зову сенсорной демократией, второе — в сторону построения неидеальных теорий.

«Сенсорная демократия» отсылает к «рецепторному» аспекту демократического диалога. Рассуждая о диалоге, мы, как правило, сосредоточиваемся на функции говорения. Вопросам же восприятия и понимания речи, а также той роли, которую данные

практически полностью игнорируется в той форме политического обсуждения, которую мы называем демократией, тогда как говорению со времен Аристотеля отводится главенствующая позиция. Автор статьи присоединяется к дискуссии о перцептивной демократии, активно ведущейся в последнее время представителями политической философии (Гидеоном Калдером, Джефри Эдвардом Грином и др.) и пытается разобраться, почему слушанию в демократических переговорах уделяется столь мало внимания. Особое внимание в ней уделено отношениям власти как одной из наиболее существенных причин невнимания к проблеме слуха. Автор приводит примеры того, как слушание может быть полезным в решении серьезных конфликтов (например, в восстановительном правосудии) и в улучшении процедуры кол-

лективного принятия решений (например, в активистском движении), чтобы дать представление о роли, которую слушание могло бы играть в демократии. Он полагает, что слушание должно находиться в центре, а не на периферии переговорной демократии. На основе разнообразных источников (в первую очередь работ, посвященных феминизму, «Политики» Аристотеля и ее интерпретации Рансьером) демонстрируется, насколько сильно слушание сегодня недооценено. Потенциал демократии, как полагает автор, будет реализован только тогда, когда право говорить и право быть услышанным начнут рассматриваться как две части одного целого, не отделимые друг от друга, и когда это понимание будет воплощено в институциональной практике.

процессы играют, могут и должны играть в демократической практике, отводится гораздо меньше места. Сегодня обсуждается прежде всего зрительное восприятие, созерцание. Цель моей работы состоит в том, чтобы обогатить «сенсорный канон», включив в него способность слушать.

Второй поворот неразрывно связан с первым. Теории «сенсорной демократии» являются неидеальными в том смысле, что их авторы воспринимают демократию в ее настоящих социальных и культурных контекстах как данность. Так они сознательно противятся стремлению заставить некую идеальную версию демократии соответствовать условиям, препятствующим ее успешной реализации. Этой позиции, помимо всего прочего, свойственен определенный оборонительный характер, когда речь заходит о потенциале. Попытки адаптировать демократию к неблагоприятным для нее условиям неизбежно приводят к преобладанию последних, что впоследствии отражается в падении ее качества.

В настоящей работе я разделяю неидеальный характер большинства сенсорных теорий, но не ставлю перед собой оборонительных задач. Я хотел бы продемонстрировать, каким образом уделение внимания слушанию может обогатить даже наиболее гибкие и оптимистические демократические теории (например теорию делиберативной демократии), а также способствовать улучшениям в демократической практике.

Вторая задача работы — разобраться в причинах, приведших к столь упорному игнорированию концепции слушания и ее реализации в политической теории, в частности в теории демократии. Одно из возможных объяснений вкратце сводится к тому, что в интересах представителей власти — не прислушиваться к гражданам (если речь не идет о подслушивании с целью контроля), в результате чего проблема слушания остается незамеченной. Я рассмотрю этот тезис подробнее, покажу, как он развивается в феминистском дискурсе, а затем распишу его недостатки. Я представлю альтернативное объяснение пренебрежения слушанием, согласно которому аристотелевское определение человека как политического животного служит основанием для полагания разумной речи в качестве отличительного его признака. Я полагаю, что именно мысль о связи между речью и «политическим» породила ту точку зрения, из-за которой слушание как идея и практика оказалось вне поля восприятия политической теории.

Сенсорная демократия

Данная работа возникла в контексте стремления к фундаментальной переоценке теории и практики внешних проявлений демократии, которую можно обозначить как сенсорную¹. В рассуждениях о демократии много внимания уделяется голосу и речи, но гораздо меньше — физическим чувствам, таким как зрение и слух. В этом смысле по тематике и мотивам своего возникновения моя работа пересекается с важным трудом Джеффри Грина².

Грин пишет о том, что на протяжении почти всей истории политической теории представления о власти народа задавались понятием голоса. Из той же самой перспективы выстраивалась и теория демократии³. Грин не считает, что сосредоточенность на голосе ошибочна, но полагает одну ее недостаточной, особен-

1. Сенсорная демократия включает в себя и «политику обоняния». Так, например, Цянь Хуэй Тань рассматривает курение как сенсорно-трансгрессивную политику. См.: *Hui Tan Q. Smell in the City Smoking and Olfactory Politics//Urban Studies. 2013. Vol. 50. № 1. P. 55–71.*
2. См.: *Green J. E. The Eyes of the People: Democracy in an Age of Spectatorship. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2010.*
3. *Ibid.* P. 3, 66: «Как бы ни отличались друг от друга модели демократии в других аспектах, очевидно, что голосовая модель сформировала направление теорий представительной демократии от XVIII века по сегодняшний день».

но если учитывать, каким образом большинство воспринимают политику. Голоса людей в современных демократиях, по его утверждению, слышны не так уж и часто, причем значительную часть времени избиратель проводит в созерцании. В силу этого Грин говорит о «взгляде народа как об органе... предоставления народных полномочий»⁴.

Работа Грина очень ценна в контексте бурной дискуссии, посвященной сенсорной демократии⁵. Выделим в ней четыре положения, представляющиеся нам интересными. Во-первых, для Грина, как следует из цитаты, важны вопросы власти и предоставления полномочий. Во-вторых, сосредоточившись на созерцании, он склоняется к утверждению приоритета плебисцитарной демократии. Я отталкиваюсь от этой позиции, чтобы вкратце объяснить, почему внимание к слушанию ведет, скорее, к «диалогической демократии»⁶. В-третьих, как уже отмечалось, Грин считает свою позицию «неидеальной теорией» (имея в виду ее неидеалистичность). Я развиваю эту мысль, чтобы предложить более позитивный и оптимистичный взгляд на те возможности, которые предоставляют нам слушание и его практическая реализация — диалогическая демократия. В-четвертых, Грин очень широко определяет созерцание как «наблюдение и слушание тех, кто... активно участвует в процессе»⁷.

Таким образом, Грин не особенно разделяет созерцание и слушание. Разумеется, и то и другое в равной мере являются формами внешнего восприятия, но гораздо более продуктивным представляется рассмотрение их в качестве двух аспектов, заслуживающих и требующих для себя отдельного подхода.

4. Ibid. P. 3.

5. В своих рассуждениях я также опираюсь на работу Джона Паркинсона: *Parkinson J. Democracy and Public Space: The Physical States of Democratic Performance*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2012.

6. Робин Пенман и Сью Тернбулл полагают, что внимание к слушанию ведет нас скорее в направлении партисипаторной, нежели делиберативной или представительной, демократии. Я считаю, что повышение качества слушания может привести к улучшению двух последних форм демократии. С моей точки зрения, лучшей альтернативой делиберативной и представительной демократии является диалогическая, а вовсе не партисипаторная демократия, так как (по замечанию Пенмана и Тернбулл) она способна работать с различиями. См.: *Penmann R., Turnbull S. From Listening... to the Dialogic Realities of Participatory Democracy*//Continuum: Journal of Media and Cultural Studies. 2012. Vol. 26. №1. P. 61–72.

7. *Green J. E.* Op. cit. P. 4.

Не стоит забывать о том, что «исторические достижения грамотности привели к превосходству зрения над слухом»⁸, а следовательно, о созерцании и слушании нужно говорить как о двух различных явлениях.

Отправление и предоставление власти

Продолжим тему власти и предоставления полномочий, затронутую нами в предыдущем разделе. Полномочия обычно понимаются как функция права и способности говорить⁹. То, что *чувства* (например, зрение) могут служить органом политической власти, не столь очевидно на первый взгляд. «Политическая наука... с трудом приучается рассматривать способность видеть как подходящее основание для предоставления политических полномочий»¹⁰.

То же можно сказать и о слушании. Как отмечает Гидеон Калдер, «деятельность признается за говорящим, а не за слушающим»¹¹. В самом деле, разве слушание — не исключительно пассивное, рецептивное чувство? И если нет, то каким именно образом оно способствует осуществлению власти? Задумавшись об этом, мы приходим к выводу, что слушатели также обладают властью. Говорящие зависят от них, коль скоро хотят добиться успешной коммуникации. Ведь те могут отказаться слушать, могут по своему усмотрению неверно понять, исказить значение слов или намерений говорящих либо проигнорировать их желания¹².

Николас Компридис рассматривает проблему в более широком политическом контексте:

8. *Buchan B. Listening for Noise in Political Thought // Cultural Studies Review. 2012. Vol. 18. № 3. P. 38.*
9. Исходя из постструктуралистской перспективы, Никита Дхаван пишет, что, как следствие, «либеральная политическая теория принимает отсутствие политического голоса за отсутствие деятельности». См.: *Dhawan N. Hegemonic Listening and Subversive Silence: Ethical-Political Imperatives // Critical Studies. 2012. Vol. 36. P. 49.* Добавлю лишь, что это верно в отношении не только либеральной теории, но и политической теории в целом.
10. *Green J. E. Op. cit. P. 7.*
11. *Calder G. Democracy and Listening // Problems of Democracy. Language and Speaking / M.-A. Crumplin (ed.). Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2001. P. 129.*
12. *Cusick C. Speaking, Listening and Communicative Justice: Educating Epistemic Trust and Responsibility. PhD thesis. Vanderbilt University, 2012. P. 62.*

Мы привыкли думать о деятельности не иначе, как о превосходстве, и для нас странно предполагать, что демократическая политика может требовать другого типа деятельности, основанного скорее на *восприимчивости*, чем на превосходстве¹³.

Далее Компридис утверждает, что восприимчивость не только непосредственно связана с демократией, но и является условием для ее обновления, открывающим возможности для голосов, которые доселе не были слышны. Речь идет не просто о «недостатке слуха», но, если угодно, о неспособности к восприимчивости в целом (или «узнаванию»):

...наша неспособность к восприимчивости или выборочная восприимчивость достойны осуждения. Вследствие неспособности к рефлексивной восприимчивости те, с кем мы, по нашим же словам, разделяем жизнь и судьбу, остаются лишены голоса¹⁴.

Восприимчивость в данном случае интерпретируется как *деятельность*, обращающая наше внимание на голоса, которые не были слышны ранее, обнаруживая их изначальное присутствие, а не открывая как нечто новое. Голоса разносятся в обществе, необходимо лишь быть достаточно открытым и способным их услышать. Они имеют место, и поэтому слушанию предоставляется активная, деятельная роль: «Оно *обладает способностью* решать проблемы непонимания и разрыва коммуникации, создает пространство для возможности «слышать», преодолевая различия»¹⁵. Активность в политике чаще всего ассоциируется с говорением, а пассивность — со слушанием, но вышеприведенные рассуждения предполагают, что слушание не менее деятельно, чем говорение¹⁶.

Одной из практик, в которых слушание прямо соотносится с властью и изменяет ее характер, является восстановительное

13. Kompridis N. Receptivity, Possibility, and Democratic Politics // Ethics and Global Politics. 2011. Vol. 4. № 3. P. 3. Курсив автора.

14. Ibid. P. 9.

15. См.: Bickmore K., Kovalchuk S. Diverse Ways of Creating Classroom Communities for Constructive Discussions of Conflict: Cases from Canadian Secondary Schools // Creating Communities: Local, National and Global / P. Cunningham, N. Fretwell (eds). L.: CiCe, 2012.

16. Buchan B. Op. cit. P. 52. В блестящей статье, посвященной ситуации в Гибралтаре и колониализму, Брайс Пик показывает, что «работа со слушанием» может приобретать и неприятные оттенки — например, посредством «колонизации субъектов и пространств Гибралтара». См.: Peak B. Listening, Language, and Colonialism on Main Street, Gibraltar // Communication and Critical/Cultural Studies. 2012. Vol. 9. № 2. P. 172.

правосудие. Как пишет Джон Брейтуэйт, ссылаясь на точку зрения Кей Пранис,

...мы можем судить о степени власти, которой обладает человек, исходя из того, сколько людей его слушает. Если с трибуны вещает премьер-министр, к нему прислушиваются многие. Если на улице что-то бормочет нищий, никто даже и не остановится¹⁷.

Данная позиция лежит в основе восстановительного правосудия, предоставляющего право высказаться тем, кто не был услышан ранее, и, что принципиально, обязывающего других их выслушать. По всем свидетельствам голоса в нем принадлежат «бедным, бессильным и молодым», а «женщин на встречах в рамках восстановительного правосудия вы услышите куда чаще, чем мужчин». Как подчеркивает Брейтуэйт, в коридорах власти мы привыкли слышать совсем не их¹⁸.

С похожим мы сталкиваемся при рассмотрении результатов работы Дженни Пирс с городскими активистами в Северной Англии. Пирс различает власть над кем-либо, власть по отношению к кому-либо и власть как способность к деятельности и отмечает, что ни одно из этих определений не соответствует представлениям о власти активистов, бывших ее собеседниками. Они, скорее, говорили о том, что сама Пирс называет «недоминирующей властью», которая оказывается особенно уместна, когда речь заходит об альтернативных формах принятия решений.

Движение *Оссиру*, как отмечает Пирс, было важным, помимо прочего, потому, что попыталось реализовать на практике различные способы принятия решений, которые по сути выполняли ключевую задачу «предоставления голоса». «Фасилитаторы»-посредники использовали «прогрессивный подход», чтобы удостовериться, что ни раса, ни пол, ни очередность, с которой люди поднимают руки, не влияют на предоставление права голоса¹⁹. Такая тактика является определенной формой слушания — стремлением прислушаться к голосам, которые в других случаях остаются неуслышанными. Примечательно, что активисты, с которыми общалась Пирс, утверждали, что власть — это «когда тебя

17. Braithwaite J. Setting Standards for Restorative Justice//British Journal of Criminology. 2002. Vol. 42. P. 564. См. также: Bolitho J. J. Restorative Justice: the Ideals and Realities of Conferencing for Young People//Critical Criminology. 2012. Vol. 20. P. 67, 69–70.

18. Braithwaite J. Op. cit. P. 564.

19. Pearce J. Power and the Activist//Development. 2012. Vol. 55. № 2. P. 199.

слушают»²⁰. Подобного рода власть предоставляла людям главная героиня одноименного романа Михаэля Энде Момо:

Момо слушала совершенно исключительно, так, что даже глупцам моментально приходили в голову умные вещи. И не потому, что она вас дотошно расспрашивала или какими-то словами наводила на верные мысли, нет, она только слушала с полным вниманием и искренним участием. Она смотрела на собеседника своими большими темными глазами, и тот чувствовал, как его озаряют такие идеи, о существовании которых у себя он и не подозревал²¹.

Следовательно, способность удержать слушателя — не что иное, как проявление власти, а возможность быть услышанным, в свою очередь, — ее предоставление. Как Дженни Пирс, так и фигуранты восстановительного правосудия свидетельствуют о том, что слушание играет ключевую роль в гармонизации отношений власти. Более пристальное изучение вопроса власти в восстановительном правосудии дает богатую почву для размышлений о том, как слушание поддается институционализации в политических практиках²². Сюда же можно отнести и комментарии Тани Дрейер, касающиеся медиа. В центре ее внимания

...проблемы внимания к слушанию: важнейшей роли слушания в активном вовлечении в процесс, невзирая на все различия; методы, благодаря которым слушание может облегчить или ограничить способность другого свободно высказываться; приемы, превращающие отказ от слушания в демонстрацию власти и привилегированности или протест; творческий и нравственный потенциал, предоставляемый внимательным и уважительным слушанием; способы, при помощи которых на основе институциональных структур и договоренностей могут быть оформлены отношения между говорением и слушанием²³.

20. Ibid. P. 198.

21. Энде М. Момо. СПб.: Амфора, 2011.

22. Здесь может оказаться важной роль фасилитатора, а также умений, которыми он должен обладать. Джон Брейтуэйт признает себя негодным по причине отсутствия «необходимых навыков для выполнения функции посредника на встречах в рамках восстановительного правосудия... Я сообщаю при коммуникации ободрение или сомнение, тогда как все, что я должен сообщать, — внимательное слушание» (*Braithwaite J. Op. cit.* P. 574).

23. *Dreher T. Media, Multiculturalism and the Politics of Listening // Power and Place. Refereed Proceedings of the Australian and New Zealand*

Другой областью политики, где была отмечена сила слушания, являются восстановление мирных отношений и урегулирование конфликтов.

Двенадцатого октября 1984 года в гостинице *Grand Hotel* в английском городе Брайтон, где правящая консервативная партия проводила свою ежегодную конференцию, взорвалась бомба. Взрыв убил пятерых; среди них был и сэр Энтони Берри, заместитель главного партийного организатора в парламенте. Бомбу заложил Патрик Мэги, член ИРА, впоследствии арестованный и осужденный. В 1999 году он был выпущен на свободу из североирландской тюрьмы Мэйз в рамках Белфастского соглашения.

Джо Берри, дочери сэра Энтони, было двадцать семь лет, когда ее отец был убит. С октября 1984 года ее не оставлял вопрос, почему именно ему суждено было умереть. Освобождение Мэги предоставило ей возможность задать этот вопрос непосредственному убийце своего отца. После долгих переговоров они встретились в Дублине в ноябре 2000 года²⁴. Встреча была напряженной и тяжелой, что неудивительно. Мэги и Берри отделяли друг от друга биография, классовое происхождение и прежде всего то обстоятельство, что Мэги убил отца Берри. Как же им удалось преодолеть эту пропасть? *Слушая друг друга.*

Умение внимательно слушать, которым обладала Джо, позволило Пэту рассказать свою личную историю об ответе на притеснения [в Северной Ирландии], испытанные им самим и его согражданами²⁵.

Так прокомментировал эту ситуацию доктор Шерто Джилл из Фонда мира Герран-Эрме. Примечательно утверждение самой Джо, что по ее опыту задача заключается не в том, чтобы достичь в конечном итоге примирения или прощения, но в том, чтобы, напротив, сосредоточиться на процессе, ключевой составляющей которого оказывается слушание:

Прощение не является обязательным условием для сочувствия. Гораздо важнее... желание выслушать другую точку

Communication Association Conference 2008 / E. Tilley (ed.). Palmeston North, NZ: Massey University, 2008. P. 14.

24. Эти встречи были задокументированы в телепередаче *Everyman — Facing the Enemy* на канале BBC.

25. Цит. по: Miles D. Love Thy Enemy // Huffington Post. 06.04.2012. URL: http://huffingtonpost.com / david-miles / love-thy-enemy_1_b_1568445.html.

зрения и попытаться понять ее, даже если не хочешь с ней соглашаться²⁶.

Отметим, что Патрик Мэги, отвечая на вопрос о том, что дали ему встречи с Берри, также говорит о слушании:

Я научился гораздо внимательнее слушать... Замедление темпа диалога с целью удостовериться, что ты четко слышишь и адекватно объясняешь, может быть лучшим средством для коммуникации с теми, кому ты причинил боль²⁷.

Вернемся к теме зрения. Джеффри Грин естественным образом ставит под вопрос идею о том, что созерцание подразумевает бессилие. Для ее проблематизации необходимо избавиться от представлений о «доминирующей голосовой модели власти»²⁸, которая выносит созерцающего за скобки «процессов коллективных решений и законодательной деятельности»²⁹. Комментируя Сартра, Грин признает потенциальную власть взгляда: «Для Сартра зритель — уже не пассивная фигура. Обладая взглядом, он обладает силой, пусть и своеобразной, но способной влиять на действия другого»³⁰.

Именно в этом и заключается представление Грина о силе созерцания, «подлинной и действительной власти зрения...»³¹ Важно отметить, что Грин выделяет разные формы созерцания: наделенные и не наделенные властью. Ключевым для него является вопрос, что именно отличает одно от другого, где проходит граница между простым созерцанием и взглядом как способностью управлять³². Мы всегда имеем шанс выслушать политиков, а они — нас, однако в данных «слушательных» отношениях недостает взаимности. Каким же образом чувства, которыми столь часто пользуются для утверждения, укрепления и воспроизводства власти (посредством слежки и подслушивания), могут быть направлены на службу демократии?

Я уже высказывал мысль, что слушание тесно связано с узнаванием. Таня Дрейер верно отметила, что мы имеем дело не столько с вопросом «партисипации и расширения полномо-

26. Ibidem.

27. Ibidem.

28. *Green J. E.* Op. cit. P. 8.

29. Ibid. P. 8.

30. Ibid. P. 10.

31. Ibid. P. 11.

32. Ibid. P. 13.

чий», сколько с проблемой «динамики и трудностей *узнавания*»³³. Политика узнавания является важным источником для теорий превращения невидимого в видимое. Слушание, равно как и узнавание, безусловно, является необходимым, однако остается подавленным. И в этом смысле оно встает в один ряд с другими темами дискуссий о правах человека: свободой, равенством, справедливостью.

Джон Даунинг справедливо задается вопросом о том, есть ли смысл в «праве на коммуникацию», если тебя никто не слушает³⁴. По его мнению, для успешной реализации оно должно сопровождаться «правом на понимание»³⁵. Иными словами, предоставляя свободу высказывания, демократия еще не выполняет свою миссию, хотя большинство политических деятелей и теоретиков, похоже, воспринимают это именно так.

Не стоит забывать, пишет Джон Драйзек, что «в политике наиболее эффективный и коварный способ заставить молчать всех остальных состоит в том, чтобы перестать их слушать»³⁶. Потенциал демократии будет реализован только тогда, когда право говорить и право быть услышанным начнут рассматриваться как две части одного целого, когда всем станет ясно, что они неотделимы друг от друга, и когда это понимание будет реализовано в институциональной практике.

Почему мы не говорим о слушании?

Игнорирование слушания в политике ярко контрастирует со вниманием, уделяемым речи и всему, что с ней связано. Чем это объясняется?

Не думаю, что существует какой-то универсальный ответ на этот вопрос, но одной из причин могут выступать соображения власти. Я уже говорил о том, что слушание во многом

33. *Dreher T.* Speaking Up or Being Heard? Community Media Interventions and the Politics of Listening // *Media, Culture and Society*. 2010. Vol. 32. № 1. P. 99. Курсив наш.

34. *Downing J.* Grassroots Media: Establishing Priorities for the Years Ahead // *Global Media Journal (Australia Edition)*. 2007. Vol. 1. № 1. P. 99.

35. «Равенство и инклюзия — демократические принципы, которые остаются не вполне удовлетворенными, если мы измеряем уровень инклюзии исходя из того, кому предоставлено право говорить, не обращая внимания на всех говорящих, лишенных адекватных слушателей» (*Cusick C.* Op. cit. P. 11).

36. *Green J. E.* Op. cit. P. 4.

связано с властью и что отказ от слушания является выражением власти. Развивая эту мысль далее, мы можем предположить, что власть имущим выгодно, чтобы слушанию уделялось как можно меньше внимания, так как осознание его важности откроет новые возможности для политической агитации.

Главная проблема данной версии заключается в том, что она слишком напоминает конспирологическую теорию. Во-первых, представители власти должны сами осознавать политическое значение слушания. Во-вторых, они должны договориться о подавлении проявлений этого знания. И то и другое в равной степени неправдоподобно. Но даже если бы все обстояло так, подобная ставка на выгоду никак не объясняет замалчивание вопроса в академической среде. Однако для того небольшого числа представителей последней, которые *выступают* в защиту слушания в политическом и политологическом контекстах, интересы власти — весьма серьезный *предмет обсуждения*. Как правило, такую позицию занимают те, кто лишен власти и вследствие этого стремится выявить причины своего бессилия и пути его преодоления. Неслучайно единственная полноценная монография, которая посвящена слушанию, была написана исследовательницей феминизма Сьюзан Бикфорд³⁷.

Не стоит, впрочем, делать вывод, будто приверженность феминистским взглядам является необходимым или достаточным условием для проведения политического анализа слушания. В своей работе, посвященной массовому убийству в Политехнической школе Монреаля, произошедшему в 1989 году³⁸, Венди Хуэй Кьонг Чан утверждает «необходимость политики слушания как дополнения политики говорения»³⁹. Однако в феминистской теории она находит лишь несколько текстов, которые поднимают проблему слушания. Чан объясняет это тем, что, подобно остальным представителям исключенных ранее групп, феминистки сосредоточивались преимущественно на речи как на явлении, открывающем доступ к политике:

37. См.: *Bickford S. The Dissonance of Democracy: Listening, Conflict and Citizenship*. Ithaca: Cornell University Press, 1996.

38. *Chun W.H. K. Case Study: The Montréal Massacre*// Gendercide Watch. URL: http://gendercide.org/case_montreal.html.

39. *Idem. Unbearable Witness: Towards a Politics of Listening*// Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies. 1999. Vol. 11. № 1. P. 114.

...до недавнего времени феминистская теория уделяла внимание прежде всего повышению политической сознательности, порождению речи, которая разбивала бы молчание человека и торжественно принимала его в ряды своих сторонников. Несмотря на всю его важность, вопрос о том, как выслушивать признания и реагировать на них, по большому счету не затрагивался⁴⁰, — по всей видимости, потому что он недостаточно разработан и оценен: мы привыкли думать, что знаем, как нужно слушать⁴¹.

Как и многие другие, феминистки, о которых пишет Чан, не выносят тишины (которая является необходимым условием для надлежащего слушания):

...феминистки слушают тишину, как правило, для того, чтобы нарушить ее... Вопрос о том, *как* слушать, или проблематика слушания как политического акта поднимаются в их теориях крайне редко⁴².

Чан подчеркивает важность «политики и практики слушания в качестве необходимых дополнений политики признаний» и предлагает «политику, которая не абсолютизирует ценность акта говорения для себя и о себе: политику слушания речи или тишины и последующего рассуждения о том, как следует на них отвечать»⁴³. Чан по сути требует введения политики слушания, которую я пытаюсь описать в своих работах.

Вместо того чтобы рассматривать слушание как явление, связанное с гендером, обратимся к Аристотелю и взглянем на слушание в контексте его классификации видов⁴⁴. Центральное положение речи в политике было установлено уже на заре политической теории, в аристотелевском определении «политического животного». В первой книге «Политики» Аристотель пишет: «Природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает

40. Автор имеет в виду признания пострадавших, выживших после инцидента.

41. Ibid. P. 114.

42. Ibid. P. 141.

43. Ibid. P. 138.

44. В данном случае я разделяю постструктуралистскую критику «аристотелевского понятия людей как политических... существ, способных говорить», определения в котором характеризуют природу политического субъекта, однако не поддерживаю постструктуралистской инверсии «онтологического преимущества между субъектом и языком». См.: Dhawan N. Op. cit. P. 49.

напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью»⁴⁵.

По мнению Аристотеля, именно речь отличает нас от других животных и позволяет делать то, на что обычный «голос» (которым обладают остальные животные) неспособен, а именно «выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо»⁴⁶. Аристотель заключает, что «это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость»⁴⁷. Со времен Аристотеля речь стала главнейшей характеристикой политики: политическое существо непременно должно быть существом говорящим.

...рассмотрение политики как процесса обсуждения интересов или рационального достижения согласия предполагает признание всех включенных в этот процесс групп в качестве обладающих речью действующих лиц, которых необходимо выслушать⁴⁸.

Стало быть, человек автоматически становится единственным политическим существом, а речь — капиталом политики. Вероятно, это наименее оспариваемое положение западной политической мысли и практики: политика осуществляется людьми и для людей⁴⁹. Тезис кажется настолько самоочевидным, что на него почти не обращают внимания, а его роль в организации нашего мышления и поведения остается по большому счету незамеченной.

Проведение разделения между политическими существами и остальными, а также полагание речи в качестве его принципа приводит к абсолютизации ценности говорения, а не слушания как необходимой для деятельности способности. Политическим существом быть лучше, чем неполитическим, раз получаешь доступ к обществу справедливости (по Аристотелю), входным билетом в которое служит умение говорить. Обезьяна из расска-

45. *Аристотель*. Политика // Он же. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 379.

46. Там же.

47. Там же.

48. *Martin J.* The Rhetorical Citizen // *The CSD Bulletin*. L.: University of Westminster, 2009. Господствующее положение речи в политике оставило след и в языке: «парламент» (*parlement*) — название демократического собрания, на котором председательствует «спикер».

49. Для характеристики этой валоризации человека, как правило, используется термин «антропоцентризм».

за Кафки «Отчет для академии» прекрасно это усвоила. Рассказ о случае, когда она впервые с отвращением выпила бутылку водки, заканчивается следующим эпизодом:

...хотя я забыл погладить себя по животу, но зато, повинуюсь неодолимому желанию, чувствуя, что у меня шумит в голове, громко и отчетливо крикнул «алло» — иными словами, заговорил членораздельно; благодаря этому кличу я сразу перескочил из своего прошлого в сообщество людей; ответные возгласы зрителей: «Послушайте только, ведь он говорит!» — словно поцелуи, ласкали мое обливающееся потом тело⁵⁰.

Она знает, что из всех средств, способных убедить тюремщиков в ее «человечности», наиболее эффективным является говорение⁵¹.

Распределение выгод между обладающими речью и лишенными ее осталось практически незамеченным и теми немногими исследователями, которые смело взялись за разработку проблем, ранее не рассматривавшихся западной политической мыслью. Одним из них является Жак Рансьер, посвятивший подобным вопросам главным образом книгу «Несогласие»⁵². Поразительно при этом, что даже он «не примечает слона».

Рансьер ставит перед собой ясную задачу — работать с основами политики. Первая страница его труда содержит все хитрости, свойственные завязке. Глава первая, несущая характерное название «Начало политики», открывается словами «Итак, начнем с начала», и главной темой становится «Политика» Аристотеля (безусловно, являющаяся своего рода истоком). Трудно представить себе пассаж, более уверенно заявляющий о себе как о «начале», чем этот. На первой же странице Рансьер цитирует первую книгу «Политики» Аристотеля — упоминавшиеся нами выше рассуждения об отличии между людьми и остальными живыми существами:

...природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость,

50. Кафка Ф. Отчет для академии // Он же. Роман. Новеллы. Притчи. М.: Прогресс, 1965. С. 486.

51. Обезьяна Кафки как будто служит прототипом постмодернистской идеи о «речи как привилегированном средстве достижения свободы». См.: Dhawan N. Op. cit. P. 49.

52. См.: Рансьер Ж. Несогласие: политика и философия. СПб.: Machina, 2013.

поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства⁵³.

Люди обладают речью, тогда как остальные животные — только голосом. У людей есть представления о том, что правильно, и о том, что неправильно, в то время как остальные животные способны испытывать лишь удовольствие и боль. Сами по себе подобные наблюдения, возможно, не заключают в себе ничего примечательного и не вызывают у нас возражений, однако их опасность заключается в том, что и для Рансьера они служат средством определения сферы политического: люди входят в нее, а вот другие живые существа — нет. Политика, таким образом, начинается там, где расходятся человеческое и нечеловеческое.

Иными словами, Рансьер, как и Аристотель, полагает, что политические существа обязательно должны быть говорящими, хотя нигде прямо не утверждает и не отстаивает такую позицию. А значит, должно существовать другое, непроговоренное начало истории, описываемой Рансьером, случившееся еще до того момента, когда было принято решение, что в политике есть место только для тех, кто обладает речью.

«Несогласие» Рансьера открывается предисловием, своего рода началом до начала. Эпиграфом к нему также служит цитата из Аристотеля: «Не следует, однако, оставлять без разъяснения, в чем заключается равенство и в чем — неравенство»⁵⁴. В контексте обнаружения непроговоренных позиций, основанных на теории видов, мы не можем назвать это утверждение тем новым началом, которого мы ждали. В действительности оно лишь усложняет проблему, так как принципиально важным оказывается не *содержание* различия между равенством и неравенством, но его основание.

Это отсылает нас к теме более фундаментальной, чем любая из тех, с которыми работает Рансьер. Он рассматривает природу политики, не размышляя о том, к существам какого рода приме-

53. Аристотель. Указ. соч. С. 379.

54. Там же. С. 467.

нимо слово «политика». Однако, задаваясь вопросом, к кому же именно относятся рассуждения о равенстве, мы по большому счету рефлексируем о том, какие существа могут быть политическими, поскольку проблема равенства и неравенства встает только в отношении тех, кто принят в политическое сообщество. В итоге нам, безусловно, придется признать тесную связь между определением существ политики и определением ее сущности. Однако в современном дискурсе последнее обсуждается крайне редко: столь прочно закрепились в нашем представлении приведенная выше формула Аристотеля.

Последствия замалчивания Рансьером первого упомянутого нами вопроса довольно серьезны. Одно из ключевых различий в его труде — разделение «политики» (*politics*) и «управления» (*policing*). Управление Рансьер определяет как «организацию полномочий, *распределение мест и функций* в купе с легитимирующими это распределение системами»⁵⁵. Политику же — как деятельность, «антагонистичную» надзорной и распределительной функции управления, как «то, что разрывает действующую конфигурацию, в которой отсутствие некоторых составляющих предопределено *a priori*»⁵⁶. Таким образом, управленческая политика занимается распределением ролей, а истинная политика ставит вопросы о критериях, благодаря которым оно организуется.

Пользуясь терминологией самого автора, мы можем рассматривать «Несогласие» в качестве полицейской, управленческой, охранно-распределительной, а не политической работы. Ведь проводя различие между «речью» и «голосом» и придавая первой стороне большую значимость, Рансьер именно что «распределяет места и функции». Деятельность же «политики» в его истолковании подразумевает проблематизацию «предпосылки, коей по определению... нет места [в этой конфигурации], — предпосылки о причастности несопричастных», то есть предположения, согласно которому условием вступления в круг «равных существ» является способность говорить.

Рансьер отказывается воспользоваться всем богатством своей концепции политики в тот самый момент, когда приступает к проблематизации. «До логоса, который обсуждает полезное и вредное, есть логос, который приказывает и дает право приказывать»⁵⁷. Но еще до этого *заранее* было приня-

55. Рансьер Ж. Указ. соч. С. 53.

56. Там же. С. 55–56.

57. Там же. С. 40.

то решение (крайне редко заявляемое открыто и уж точно не Рансьером) о том, что политика — прерывание «естественного порядка господства»⁵⁸, — возможна лишь среди говорящих существ: тех, кто обладает логосом. А значит, «изящное выведение целей политического животного из свойств животного логического прикрывает прореху»⁵⁹, но вовсе не ту, о которой говорит Рансьер.

В действительности «прикрытие прорехи» скрывает маневр, в результате которого *политическое* животное идентифицируется с *логическим* животным (то есть обладающим логосом⁶⁰ — человеком). После отождествления речь идет уже не об «изящной дедукции», но о самоисполняющемся пророчестве. Итак, мы можем утверждать, что чрезмерное внимание, уделяемое речи в политике и сопровождающееся игнорированием слушания, является прямым следствием определения политического существа в первую очередь как существа, способного говорить.

Литература

- Bickford S. The Dissonance of Democracy: Listening, Conflict and Citizenship. Ithaca: Cornell University Press, 1996.
- Bickmore K., Kovalchuk S. Diverse Ways of Creating Classroom Communities for Constructive Discussions of Conflict: Cases from Canadian Secondary Schools // Creating Communities: Local, National and Global / P. Cunningham, N. Fretwell (eds). L.: CiCe, 2012. P. 590–605.
- Bolitho J. J. Restorative Justice: the Ideals and Realities of Conferencing for Young People // Critical Criminology. 2012. Vol. 20. P. 61–78.
- Braithwaite J. Setting Standards for Restorative Justice // British Journal of Criminology. 2002. Vol. 42. P. 563–577.
- Buchan B. Listening for Noise in Political Thought // Cultural Studies Review. 2012. Vol. 18. № 3. P. 36–66.
- Calder G. Democracy and Listening // Problems of Democracy. Language and Speaking / M.-A. Crumplin (ed.). Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2001. P. 125–135.
- Chun W. H. K. Case Study: The Montréal Massacre // Gendercide Watch. Режим доступа: http://gendercide.org/case_montreal.html.
- Chun W. H. K. Unbearable Witness: Towards a Politics of Listening // Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies. 1999. Vol. 11. № 1. P. 112–149.
- Cusick C. Speaking, Listening and Communicative Justice: Educating Epistemic Trust and Responsibility. PhD thesis. Vanderbilt University, 2012.
- Dhawan N. Hegemonic Listening and Subversive Silence: Ethical-Political Imperatives // Critical Studies. 2012. Vol. 36. P. 47–60.
- Dobson A. Listening for Democracy: Recognition, Representation, Reconciliation.

58. Там же. С. 42.

59. Там же. С. 45.

60. От гр. λέγω — «говору».

- tion. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Downing J. Grassroots Media: Establishing Priorities for the Years Ahead // *Global Media Journal* (Australia Edition). 2007. Vol. 1. № 1. P. 1–16.
- Dreher T. Media, Multiculturalism and the Politics of Listening // *Power and Place. Refereed Proceedings of the Australian and New Zealand Communication Association Conference 2008* / E. Tilley (ed.). Palmeston North, NZ: Massey University, 2008. P. 1–14.
- Dreher T. Speaking Up or Being Heard? Community Media Interventions and the Politics of Listening // *Media, Culture and Society*. 2010. Vol. 32. № 1. P. 85–103.
- Green J. E. *The Eyes of the People: Democracy in an Age of Spectatorship*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2010.
- Hui Tan Q. Smell in the City Smoking and Olfactory Politics // *Urban Studies*. 2013. Vol. 50. № 1. P. 55–71.
- Kompridis N. Receptivity, Possibility, and Democratic Politics // *Ethics and Global Politics*. 2011. Vol. 4. № 3. P. 255–272.
- Martin J. *The Rhetorical Citizen* // *The CSD Bulletin*. L.: University of Westminster, 2009.
- Miles D. *Love Thy Enemy* // *Huffington Post*. April 6, 2012. Режим доступа: http://huffingtonpost.com/david-miles/love-thy-enemy_1_b_1568445.html.
- Parkinson J. *Democracy and Public Space: The Physical States of Democratic Performance*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2012.
- Peak B. Listening, Language, and Colonialism on Main Street, Gibraltar // *Communication and Critical / Cultural Studies*. 2012. Vol. 9. № 2. P. 1–20.
- Pearce J. *Power and the Activist* // *Development*. 2012. Vol. 55. № 2. P. 198–201.
- Penmann R., Turnbull S. From Listening... to the Dialogic Realities of Participatory Democracy // *Continuum: Journal of Media and Cultural Studies*. 2012. Vol. 26. № 1. P. 61–72.
- Аристотель. *Политика* // Он же. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
- Кафка Ф. *Отчет для академии* // Он же. Роман. Новеллы. Притчи. М.: Прогресс, 1965.
- Рансьер Ж. *Несоогласие: политика и философия*. СПб.: Машина, 2013.
- Энде М. *Момо*. СПб.: Амфора, 2011.

Why Listening?

Andrew Dobson. PhD in Philosophy, Professor of Political Science at the University of Keele. Address: Keele, Staffordshire, ST5 5BG, UK. E-mail: a.n.h.dobson@keele.ac.uk.

Although valued in daily conversation, good listening has been almost completely ignored in the form of political conversation we know as «democracy», while speaking has been considered to play the main role since the time of Aristotle. Joining the recent perceptive democracy discussion in political philosophy (represented by Gideon Calder, Jef-

frey Edward Green, and others), this article examines the reasons why so little attention has been paid to the listening aspect of democratic conversation. The author notes that the first of these reasons can be identified as power relations.

The author draws on practical examples of how listening helped to solve serious conflicts (e. g. in restorative justice) or improve collective decision-making procedures (e. g. in activist communities) to offer an explanation of the role that listening might play in democracy. He assumes that listening

should be at the heart or deliberative democracy rather than peripheral to it. Using multidisciplinary sources, with a special focus on feminist discussions, Aristotle's *Politics* and its interpretation by Ranciere, the author also shows the extent to which listening is underrated. He argues that democracy's promise will

only be fulfilled when the right to speak and the right to be listened to are regarded as two sides of the same coin, when it is acknowledged that one is incomplete without the other, and when this acknowledgment is embedded in institutional practices.

References

- Aristotle. *Politika* [Politics]. *Soch.: V 4 t. T. 4* [Works: In 4 vols. Vol. 4], Moscow, Mysl', 1983, P. 375–644.
- Bickford S. *The Dissonance of Democracy: Listening, Conflict and Citizenship*, Ithaca, Cornell University Press, 1996.
- Bickmore K., Kovalchuk S. Diverse Ways of Creating Classroom Communities for Constructive Discussions of Conflict: Cases from Canadian Secondary Schools. *Creating Communities: Local, National and Global* (eds P. Cunningham, N. Fretwell), London, CiCe, 2012, P. 590–605.
- Bolitho J. J. Restorative Justice: the Ideals and Realities of Conferencing for Young People. *Critical Criminology*, 2012, Vol. 20, P. 61–78.
- Braithwaite J. Setting Standards for Restorative Justice. *British Journal of Criminology*, 2002, Vol. 42, P. 563–577.
- Buchan B. Listening for Noise in Political Thought. *Cultural Studies Review*, 2012, Vol. 18, no. 3, P. 36–66.
- Calder G. Democracy and Listening. *Problems of Democracy. Language and Speaking* (ed. M.-A. Crumplin), Oxford, Inter-Disciplinary Press, 2001, P. 125–135.
- Chun W. H. K. Case Study: The Montréal Massacre. *Gendercide Watch*. Available at: http://gendercide.org/case_montreal.html.
- Chun W. H. K. Unbearable Witness: Towards a Politics of Listening. *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies*, 1999, Vol. 11, no. 1, P. 112–149.
- Cusick C. *Speaking, Listening and Communicative Justice: Educating Epistemic Trust and Responsibility*. PhD thesis, Vanderbilt University, 2012.
- Dhawan N. Hegemonic Listening and Subversive Silence: Ethical-Political Imperatives. *Critical Studies*, 2012, Vol. 36, P. 47–60.
- Dobson A. *Listening for Democracy: Recognition, Representation, Reconciliation*, Oxford, Oxford University Press, 2014.
- Downing J. Grassroots Media: Establishing Priorities for the Years Ahead. *Global Media Journal (Australia Edition)*, 2007, Vol. 1, no. 1, P. 1–16.
- Dreher T. Media, Multiculturalism and the Politics of Listening. *Power and Place. Refereed Proceedings of the Australian and New Zealand Communication Association Conference 2008* (ed. E. Tilley), Palmeston North, NZ, Massey University, 2008, P. 1–14.
- Dreher T. Speaking Up or Being Heard? Community Media Interventions and the Politics of Listening. *Media, Culture and Society*, 2010, Vol. 32, no. 1, P. 85–103.
- Ende M. *Momo*, Saint Petersburg, Amfora, 2011.
- Green J. E. *The Eyes of the People: Democracy in an Age of Spectatorship*, Oxford, New York, Oxford University Press, 2010.
- Hui Tan Q. Smell in the City Smoking and Olfactory Politics. *Urban Studies*, 2013, Vol. 50, no. 1, P. 55–71.
- Kafka F. Otchet dlia akademii [Ein Bericht für eine Akademie]. *Roman. Nov-*

- elly. *Pritchi* [Novel. Stories. Parables], Moscow, Progress, 1965.
- Kompridis N. Receptivity, Possibility, and Democratic Politics. *Ethics and Global Politics*, 2011, Vol. 4, no. 3, P. 255–272.
- Martin J. The Rhetorical Citizen. *The CSD Bulletin*, London, University of Westminster, 2009.
- Miles D. Love Thy Enemy. *Huffington Post*, April 6, 2012. Available at: http://huffingtonpost.com/david-miles/love-thy-enemy_1_b_1568445.html.
- Parkinson J. *Democracy and Public Space: The Physical States of Democratic Performance*, Oxford, New York, Oxford University Press, 2012.
- Peak B. Listening, Language, and Colonialism on Main Street, Gibraltar. *Communication and Critical/Cultural Studies*, 2012, Vol. 9, no. 2, P. 1–20.
- Pearce J. Power and the Activist. *Development*, 2012, Vol. 55, no. 2, P. 198–201.
- Penmann R., Turnbull S. From Listening... to the Dialogic Realities of Participatory Democracy. *Continuum: Journal of Media and Cultural Studies*, 2012, Vol. 26, no. 1, P. 61–72.
- Rancière J. *Nesoglasie: politika i filosofija* [La mésentente: politique et philosophie], Saint Petersburg, Machina, 2013.